

КРЕАТИВНОСТЬ СЕРДЕЧНОГО СОЗЕРЦАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИСКУССТВЕ (по работам И. А. Ильина)

Содержание наших восприятий зависит не только от состава самого предмета, но и от того, как мы воспринимаем предмет. «Воспри-я-тие» означает перенос предмета в сферу нашего Я и его превращение по закономерностям нашего духа. Оптика восприятия состоит из сочетания тех или иных наших *духовных сил*. Например, блеск бриллианта пленяет наши внешние чувства, но наш разум интересуется только «кристаллономией», *структурой* бриллианта, где нет цветов. «На экране» научного мышления реальность предстает как система закономерных связей и отношений, все звуки, цвета и запахи исчезают. Это – «спокойное царство законов» (Гегель). Однако наше Я и мыслит, и чувственно воспринимает, и духовно созерцает, и вживается, и верует, и любит, и волит, и совестится. Эти акты есть проявления наших духовных сил (чувств, мышления, воображения, веры и др.). Если эти силы сращены в *единство*, то у человека образуется верный, *целостный*, духовный акт, который дарует ему полноту миропонимания и переживания, удивление и изумление от «звездного мира», осознание его как до конца не постигаемой тайны, полной сил, свойств и отношений, неисчерпаемых нашим душевно-духовным состоянием; осознание нас самих как детей, перебирающих камушки у бесконечного океана Вселенной, который пенится все новыми состояниями и находится в вечном и юном процессе обновления и становления.

Особенный род того или иного предмета предполагает особый духовный акт его восприятия. Музыка воспринимается не глазами. И. А. Ильин разработал теорию духовного акта, который имеет различную структуру в области религии, философии, искусства, науки и т. д. Духовный акт есть оптика восприятия, понимания, переживания и умудрения. В десятитомном наследии И. А. Ильина трудно найти работу, в которой он не писал бы о *сердечном созерцании*. Вслед за Платоном и Гегелем И. А. Ильин построил свою философию на сердечном созерцании, которое он отождествлял с творческим созерцанием и которому придавал очень большое значение. Задача статьи – реконструировать и изложить идею И. А. Ильина о *сердеч-*

ном созерцании как адекватную оптику восприятия и сотворения художественной реальности.

«Сердце» – одно из самых употребимых слов в Евангелиях, особенно от Иоанна, в творениях Отцов Церкви. Русская философия, шире, русская культура, в частности искусство, созидалась из сердца. О первенстве сердца писали Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев и другие, не говоря уже о святоотеческом Предании. Г. С. Сковорода писал: «Сам ты есть твое сердце, истинный человек есть сердце в человеке» [9, с. 142]. П. Д. Юркевич отмечал: «Сердце есть сосредоточие душевной и духовной жизни человека, скрижаль, на которой написан естественный нравственный закон. Мир как система явлений жизненных, полных красоты и знаменательности, существует и открывается первее всего для глубоко сердца и отсюда уже для понимающего мышления, лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях» [10, с. 69]. В современной психологии нет понятий ни сердца, ни души. В ней пока доминирует *объектный* язык естествознания. Он уместен постольку, поскольку нам дана от рождения природная материя – психика (чувственная активность). Но он не адекватен в той мере, в какой наша активность намеренная, осознанная, субъективно удвоенная и усиленная пониманием и знающим себя переживанием. На этом уровне психики место причинности занимают ценностно-смысловые соотношения.

Сердце в структуре психики

Психика, как она дана от рождения, есть природный материал. Это – *сенсомоторика, т. е. чувственная активность*. Все высшие психические функции и уровни (душа и дух) вырастают из этой материи, являются ее развитыми модификациями. Чувственная активность включает в себя противоположные моменты – *сенсорное и моторное, чувственное и деятельное*. Эти два параметра *нераздельны, но и неслиянны*. Они предполагают друг друга и в то же время качественно отличны друг от друга. Ощущение, как и восприятие, невозможно без движения чувственного органа. В свою очередь моторное (активность) невозможно без сенсорного, ибо чувственность побуждает к действию. В процессе развития чувственная активность поляризуется: сенсорное представлено на одном полюсе (внешнепредметная чувственность), моторное (активность, деятельность) – на другом (рас-

судок). Как говорил И. Кант, посредством чувственности предметы нам даются, посредством рассудка они мыслятся. Мыслить – значит связывать восприятия в понятия. Чувственности предмет дан как нечто *единичное* («это», «здесь» и «теперь»), рассудку же – как *общий* предмет (человек вообще, государство вообще и т. п.). Однако нераздельность чувственной активности сохраняется: чувственность и рассудок соединены *воображением*. Поэтому мы в единичном схватываем всеобщее, а всеобщее индивидуализуем, оединчиваем. *Бессознательная сфера инстинктов, чувственное восприятие, воображение и рассудок* образуют *первый* уровень психики человека.

Чувственность человека развивается в себе и различается на *внешние чувства*, возникающие от *физического воздействия*, и на *внутренние* (духовные) чувства, возникающие от *переживания значений* (радость, уважение, презрение и др.). И вот *сердце есть средоточие таких духовных чувств*, это – понимающие чувства, «чувства – теоретики». Мышление в свою очередь развивается от рассудочной стадии до *разумной*. Однако сердце и разум не сторонни друг другу. Нераздельность чувственной активности дает о себе знать и на *втором, высшем* уровне человеческой психики: как чувственность и рассудок соединены воображением и не существуют как две параллельные прямые, точно так же сердце соединено с разумом духовным, *сердечным созерцанием*. Это созерцание – *высшая форма постижения реальности*: в нем понимающие чувства и целеполагание разума синтезируются в *новое, духовное состояние*, в котором исчезают различия между сердцем и разумом, и человеку открываются новые грани бытия, недоступные одноуровневой психике.

Рассудок осуществляет *логический синтез*. Синтез *различных* психических модальностей (цвета, звука, запаха и др.) возможен только потому, что рассудок есть *однородная деятельная* сфера, благодаря однородности он сообщает *единство* всему логическому сознанию. Сердце же творит *аксиологический синтез*, который по значению более важен, чем синтез логический. Ценности направляют самоопределение человека, выбор им жизненного пути, в них заложена *генетика социального поведения*. Ценности избираются не мышлением, а чувствами. Мышление обосновывает ценности.

Мышление синтезирует явления со стороны *формы, отношений, структуры*; сердце синтезирует явления в аспекте их значимости (ценно-

сти) для человека на основе *однородного чувства совершенства*. Аксиологический синтез проявляется в нравственной, эстетической и религиозной формах. За развитым нравственным чувством (совесть), эстетическим вкусом, религиозным настроем души скрывается их глубинная основа – однородное чувство совершенства. Это чувство есть корень религии, нравственности и эстетического отношения. «Религиозная вера горит именно тогда, когда она есть проявление *свободной любви к безусловному совершенству*» [2, с. 56]. Если совершенство раскрывается верованию как *образ Божий*, то нравственной воле как *добро*, а эстетическому созерцанию как *красота, прекрасное*. Все положительные ценности и чувства есть многообразные выражения совершенства. Как рассудок есть основа единства логического сознания, так и *однородное чувство совершенства есть основа единства всего ценностного сознания. В воспитании ценностного сознания синтез сердца является базисным.*

Сердце как духовный орган человека

Сердце – средоточие понимающих чувств! В этом все его своеобразие, вся его тайна и трудновыразимость. Но самым жизнетворческим чувством является любовь. Коснуться тайны сердца – значит обратиться к любви. Где она начинается, там кончаются безразличие, вялость, экстенсивность: человек сосредоточивается на одном – любимом содержании; оно становится центром души, главнейшим ее предметом, а сопричастность ему есть радость и счастье (со-частье, сопричастие). Любовь *вживается* в любимый предмет вплоть до *художественного отождествления* с ним. Чувство и воображение соединяются у любящего человека и повышают силу его восприятия настолько, что «проницательность его по отношению к любимому предмету доходит до *ясновидения*». [1, с. 50–51]. Иногда эта сила переносится на других людей и даже на весь мир, как у гениальных художников. И. А. Ильин различает «любовь инстинкта» (или душевную любовь) и «духовную любовь». Они могут соединяться в одно целое. Формула первой такова: «этот предмет мне нравится, значит, ему должно быть присуще всякое совершенство». Нередко за такой идеализацией следует разочарование. Духовная любовь тяготеет к *объективно лучшему* – к «*качеству, достоинству, совершенству*»; к «*божественному совершенству во всех явлениях*», она – «*вкус к совершенству*» [1, с. 56–57]. Она – ворота, через которые в нашу душу входит совершенное содержа-

ние, составляющее пространство духа. Этим содержанием любовь направляет мышление к объективной истине, волю – к сотворению добра, созерцание – к обретению красоты и художественности в целом, а веру – к божественному. Вот почему духовная любовь – первый и глубочайший источник духовного опыта. И. А. Ильин обосновывает эту первичную значимость следующим образом. Культуротворящий акт современности, пишет он, покоится на *чувственных* восприятиях, а над ними в качестве стража ставится *индуктивное мышление* с механически инструментальной проверкой, отсюда возникают естествознание и техника. То, что добывается этими способностями, передается затем *инстинкту и воле*; инстинкт создает из этого хозяйство, а воля – государственный строй. При этом *воображение*, хотя и используется, но остается под подозрением под именем «фантазия» и подвергается строгому контролю *мысли и машины*. *Чувства* же вообще устраняются из серьезной, научно признанной культуры; им отводится роль в частной жизни. Что дают и чего не дают эти основные «официально» признанные силы современной культуры?

«Чувственные ощущения, сами по себе, в духовном отношении слепы и творчески бессильны; им нужна руководящая “высшая целе-сознательная и ведущая инстанция”. Если ее нет, то они начинают служить “телу и похоти, бездуховному инстинкту самосохранения и размножения во всей его самовластности и безоглядности”. Это мы видим в хозяйственной наживе и конкуренции, в модернистическом искусстве» [3, с. 538]. В науке власть и контроль принадлежат *теоретическому мышлению*. Однако «научный прогресс» остается «духовно-безразличным и мертвенным». «Ибо мысль, взятая сама по себе, отвлеченна и логически понудительна, но “*бездуховна и бессердечна*”; она – аналитически-отвлекающая сила, все разлагает, развязывает и подкапывает. Мышление недавно чествовали как величайшую силу просвещения, как орган самой истины; оно опустилось до произвольного и плоского конструктивизма и превратилось “в пошлый, скептический рассудок”» [3, с. 539]. Оказалось, что чистое мышление – духовно индифферентно и мертво в делах созерцания и сердца; что оно представляет собой «величайшую опасность для человеческого рода, – орган лжи и мнимых доказательств, орудие обманной и губительной пропаганды, путь соблазна и разрушения». Инстинкт сам по себе «ведет не путями духа, а звериными тропами» [3, с. 539]. Воля сама по себе – «сила формальная и духовно-безразличная», холодная, жесткая и безлюбивая.

Она выбирает и решает, но не имеет верного критерия выбора и предпочтения. Она есть сила концентрации, лишённая очевидности. Самые отвратительные и преступные организации в истории строились и держались силою воли [3, с. 540]. Воображение, предоставленное самому себе, представляет в образах все возможное, что кому угодно.

Таким образом, культуротворящий акт современного человека исходит из *первого* уровня психики. Так создается *бессердечная, бездуховная, безвдохновенная культура*, тяготеющая к пошлости без святынь.

Бессердечная культура

Такая культура есть техногенная цивилизация, устремленная на обустройство внешней жизни. Поэтому в ней главными являются техника, бизнес с его товарно-денежной связью, государство с все регламентирующим правом и наука, разрабатывающая технологии для всех сфер жизни. *Без сердца мышление* остается безразличным, релятивистским, карьеристским, льстивым и продажным, ему все равно, за что браться; лишённое интуиции, вчувствования в предмет, оно сугубо аналитично, все разлагает, оперирует пустыми конструкциями. «Отсюда – формализм и схоластика науки, формальная юриспруденция, разлагающая психотерапия, бессодержательная эстетика, аналитическое естествознание, парадоксальная математика, абсолютно мертвая филология, пустая и безжизненная философия» [3, с. 396].

Бессердечная воля, лишённая любви, становится безжалостной и жадной до успеха, она стремится к власти, к обладанию, для нее все средства хороши, она творит тоталитарные государства, антисоциальный капитализм, империалистические войны и является достоянием всех карьеристов и тиранов.

Воображение без любви, сколь бы живописно оно ни изливалось, есть в конечном счете «безответственная игра и жеманство», «изобретательный произвол» без художественного совершенства. Духовно слепое, оно породило декадентский модернизм [7, с. 396–397]. На этом пути слагается искусство мнимое, «часто ничтожное и пошрое», «это пестрые, безвкусные, праздные обрывки», «это больные выкрики», «вспышки духовного безволия, немощи и распущенности», безобразные обломки безобразных замыслов, бесстыдные уроды, неестественные выверты, противоположенные химеры. «И невольно возникает вопрос: искусство это или боль-

ной бред? Художественное творчество или духовное разложение? Культура или гниение?» «И над всем этим царит какая-то чувственная возбужденность, нервная развинченность и духовная пустота – три свойства, все вместе определяющие атмосферу *современного “модернизма”* в искусстве» [8, с. 65–66]. Искусство модернистов «бредит на языке больных страстей и бесцензурно выбрасывает сырой материал бессознательного». Современное искусство перестало служить священному, стало забавою, созданной для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится в атмосфере *художественной бессовестности*: здесь все позволено [7, с. 67–68].

Культура Запада, замечает И. А. Ильин, как бы построена *из льда и камня*. «Политика, техника, экономика и бизнес суровы и вменияют свою суровость себе в заслугу. Религия, искусство и наука здесь холодны и выдают эту свою холодность за достижение». Трезвый рассудок, прагматично ориентированная воля, рациональная организация и технологичность стали доминирующими и самоцельными. Люди выступают по отношению друг к другу «запертыми сундуками»; современный человек *«стыдится своей доброты и не стыдится своей злобы»* [7, с. 395].

Вывод один. Кризис современной культуры, искусства в частности, проистекает из *неверного культуротворящего акта*. Этот акт исходил из первого уровня психики. Надо перестроить саму его структуру, руководствуясь вторым уровнем психики. Надо внести обновленный культуротворческий акт не только в искусство, науку, религию, но и в образование, хозяйство, социальные отношения, государственное строительство. Ибо верный жизненный выбор – дело духовной любви. Кто ничего не любит и ничему не служит, тот бесплоден: его способности разнуздываются, чувственные ощущения становятся самодовлеющими; мышление – механистическим, холодным и разрушительным своей прямолинейной последовательностью; господствует жадный до удовольствия инстинкт; воля становится жесткой и циничной, воображение – легкомысленным и творчески бесплодным [3]. «Ибо в высшей и последней инстанции все вопросы человеческой судьбы решаются любовью. Только любовь может ответить человеку на важнейшие вопросы его жизни. Чем стоит жить? Чему стоит служить? С чем бороться? Что отстаивать? За что идти на смерть? Все остальные душевные и телесные силы человека суть “верные и способные слуги духовной любви”» [3, с. 541].

Предметность и творческая природа сердечного созерцания

Духовную предметность всем этим способностям (восприятию, воображению, мышлению, вере и др.) сообщает сердце – «сила духовной любви». Так слагаются высшие духовные органы человека. Любовь превращает воображение в предметное видение, в сердечное созерцание, из этого вырастает религиозная вера. Любовь наполняет мысль живым содержанием и дает ему силу предметной очевидности. Любовь укореняет волю и превращает ее в могучий орган совести. Любовь очищает и освящает инстинкт и отвергает его духовное око. Любовь углубляет и облагораживает чувственные восприятия, она придает им художественный смысл и заставляет их служить искусству [3, с. 541].

Сердечное созерцание образуется приблизительно так. Духовная любовь овладевает воображением, наполняет его своей силой и указывает ему достойный предмет, тогда человек отдается «сердечному созерцанию». В человеке образуется орган творчества, познания и жизни, окрыляющий его [3, с. 541–542]. Человек *предметно чувствует* и сочетает *объективизм предметной культуры* со всею силою *лично субъективного самовложения*. От этого его творческий акт получает новое направление и новую силу [3, с. 542]. Если к этому присоединяется художественное дарование, то человек приобретает особую мощь. «Его восприятие может дойти до *художественного отождествления с сущностью вещей и человека*», «до своеобразного *ясновидения*» [3, с. 542]. Созерцающее вчувствование может постепенно овладевать всеми способностями человека: инстинктом, волею, мыслью и другими силами духа. Тогда душа станет лепким воском, будет повиноваться каждому предмету «и до известной степени превращаться в то самое, что человек воспринимает и познает». «От этого у гениальных художников накапливается целое богатство жизненных постижений, сокровище из разнообразнейших образов мира, так что со стороны может показаться, что этот художник обладает каким-то “всеведением”. Это и есть то самое, что изумляет нас у Пушкина, у Достоевского, у Леонардо да Винчи и у Шекспира: кажется, что этому художнику открыто *все*, что *все* он знает, все видит и обладает способностью переживать и изображать “чужое” как “свое собственное”; что он всюду побывал и до конца постиг первозданные состояния всех вещей и глубочайшие связи всех духов между собою; что дух его древен, как мир, ясен, как зеркало, и мудр некой божественной мудростью и что именно поэтому он всегда творчески

юн и нов, оригинален и неисчерпаем» [3, с. 542]. Такой акт и есть «созерцание сердца» или просто «созерцание». Современному человеку его и не хватает.

И. А. Ильин конкретизирует сердечное созерцание. Оно – «духовное смотрение, символически углубляющее и творчески укрепляющее чувственный взгляд», вчувствование «*в самую сущность вещей*», сосредоточенное и ответственное вживание, движимое духовной любовью к «любимому духовному предмету», «*тотальное вживание в любое жизненное содержание*» и культурно-творческое его претворение [3, с. 543].

И. А. Ильин говорит о том, что сердечное созерцание сообщает культурному акту «предметность, пронизательную глубину, духовную значительность и творческую силу» [3, с. 544]. В познании оно может возвыситься до «интеллектуального видения», которым жил Платон и которое Гегель положил в основу своей философии.

В этике и политике, в целепонимании и действии оно может открыть человеку предвидение событий. В сфере права и правоповедения оно пробудит в человеке живую интуицию правосознания и сообщит ему такое предметное правовое видение, о котором современная юриспруденция забыла и думать. «Что касается художественного творчества, то его настоящий источник живет именно в сердечном созерцании. Воображающее вчувствование есть именно тот подход к миру, который открывает человеку все двери и все богатства вселенной; нет ничего такого, что могло бы заменить художнику луч созерцающего сердца, – ни в замысле, ни в вынашивании, ни в формировании, ни при завершающей отделке». В искусстве сердечное созерцание приведет человека «к символически-художественному видению и сделает его мастером “эстетического предмета”» [3, с. 544].

В человеческой жизни есть такие реальности, которые «воспринимаются, открываются и обогащают дух *только через сердечное созерцание*». Это именно те предметы, «которые определяют смысл человеческой жизни» [3, с. 545]: утвердить свою веру в Бога можно «только при помощи сердечного созерцания», ибо «вера возникает от *вчувствования в Совершенство*»; «обрести свою земную родину и служить ей верою и правдою можно только через сердечное созерцание: тот, кто не любит свою родину, кто не умеет беречь и творить ее любовным созерцанием, кто не видит ее сущности, ее своеобразия, ее развития, ее живых сил, ее жизненных необ-

ходимостей и опасностей, кто не имеет духовного основания вложить в нее свою волю и отдать за нее свое достояние и свою жизнь, – тот не знает что такое патриотизм... В конце концов сердечное созерцание составляет подлинную сущность всякого творческого отношения человека к человеку: без него нет ни истинной дружбы, ни истинного брака и семьи, но лишь бледные и обманчивые тени живого общения» [3, с. 545].

Если выразиться кратко, не теряя глубины, то следует сказать, что сердечное созерцание исходит *из любящего и поющего сердца*, и поэтому оно – *любящее созерцание, а значит и творческое, и художественное*. Оно не фантазирует, *но прозревает объективно лучшие измерения предмета*. Когда мы понимаем средствами мышления, то мы строим активностью своего Я форму, структуру предмета. Понять – значит построить собственными усилиями. Это логическое понимание. Понимание, исходящее из сердца, иное – *ценностно-образно-эмоционально-побудительное!*

Значение сердечного созерцания в искусстве

В художественном (как и во всяком духовном) творчестве человека, отмечает И. А. Ильин, есть две функции: способность *творческого созерцания* и способность легкого и быстрого проявления, выражения. Ими люди одарены не в равной мере. Нередко предполагают, будто вторая способность всегда укрывает за собой и первую, будто талантливый человек всегда исходит из *творческого созерцания*. На самом деле, подчеркивает И. А. Ильин, правильно называть талантом только *вторую* силу. Талант сам по себе есть дар легко и быстро, ярко и метко выражать все, что проносится через внутренний мир человека [4, с. 341–342]. Наличие таланта определяет не то, *что* человек говорит, пишет, рисует, изображает на сцене, а лишь то, *как* он это делает. Талант дает наслаждение – блестит, сверкает, чарует. Между тем талант, оторванный от творческого созерцания, *пуст и беспочвен...* У него нет своего *духовного опыта*, ему нечего сказать [4, с. 342–343]. Талант нуждается не только в школе, в умении, в технике, ему необходим еще *«духовный опыт, творческое созерцание, творческое вынашивание*, чтобы не создавать пустую красоту или соблазнительную яркость» [4, с. 345]. Поэт В. Г. Бенедиктов, отмечает И. А. Ильин, был мастером слова. Но он был лишен творческого созерцания, и сказать ему было почти нечего. Ф. И. Тютчеву присуща сила творческого созерцания. Его поэзия пропета из «таинственной стихии мира и человечества», из ее древ-

него хаоса, пылающей бездны. Он не только созерцал, но и умел петь «о муках и восторгах созерцания». Но сила его таланта не всегда поспевала за его безмерным видением. У М. Ю. Лермонтова сила созерцания просыпается задолго до того, как созрел его талант [4, с. 346]. Так обстоит дело и в живописи. «Мало воображать произвольные комбинации здоровых до уродливости тел и ярко их зарисовывать в их реализме (Рубенс); эти тела должны служить символическим знаком сверхтелесного. Мало видеть обличие сытых лиц, богатых хором и одежд и выписывать их на огромных полотнах с монументальной пышностью (Паоло Веронезе) или загромождать полотна кокетливо-изящными фигурами и декоративными пустяками (Тьеполо); надо еще спросить себя: зачем они здесь, что через них светится?» [4, с. 349]. Есть люди с глубоким духовным созерцанием, которые не могут ни вообразить (облечь увиденное в земные образы), ни изобразить (передать и закрепить эти земные образы для других). Эти подспудные мудрецы уходят обычно или в молитвенное подвижничество, или философию [4].

«Художественное искусство возникает только из сочетания двух сил: силы духовно-созерцающей и силы верно во-ображающей и из-ображающей увиденное». Творческое созерцание – *«истинный и глубочайший источник художественного искусства»* [4, с. 348–349]. Без него искусство будет иметь осязаемое тело и выглядывающий из него образ. Не будет третьего главного, того божественного луча, который просиял оку художника, того эстетического предмета, который царит в произведении искусства – над его телом и над его образом [4]. Силу духовного созерцания художник может укрепить, углубить и очистить. А. С. Пушкин работал над этим всю свою жизнь: «Свободен, вновь ищу союза волшебных звуков, чувств и дум» («Евгений Онегин»).

Дар созерцания предполагает *«повышенную впечатлительность духа»* – способность восторгаться всяким совершенством и страдать от всяческого несовершенства. Это есть некая «обостренная отзывчивость на все подлинно значительное и священное как в вещах, так и в людях». Созерцающий не задерживается на поверхности явлений, но видит эту поверхность с тем большей остротой и точностью, чем глубже он проникает «в их сокровенную сущность» [4, с. 350]. А свхватывание такой сущности есть не акт ее зеркального отражения, а, скорее, акт ее духовного порождения пу-

тем ценностно-смыслового синтеза – синтеза понимающих чувств и разумной мысли. Ибо сердечное созерцание соединяет собой сердце и разум. В творческом созерцании художник сам дает себе предмет, который почему-то становится образным эталоном сущности эмпирических вещей. Духовное созерцание – *«алтарь и гений»* творчества художника, «здесь таится вдохновение – эта *благодатная сила творческого перворождения*». В созерцании и вдохновении художник возвышается над собой, вступает в «заочный мир». Талант художника становится «лишь живою и верною арфою узранных им содержаний» [4, с. 351].

Сердце – исток русской культуры

Каждый народ имеет доминанту в своем душевно-духовном укладе, что проявляется в выражениях «старая, добрая Англия», «деловая Америка», «великая Германия», «прекрасная Франция» или «Святая Русь». Такой уклад («менталитет») составляет *ведущий духовный акт*, каким народ творит свою культуру и жизнь. Такой акт определяется особым сочетанием доминирующих духовных сил. В работе «О русской идее» И. А. Ильин гениально описал духовный акт русской культуры [5]. Творческая идея России, отмечал И. А. Ильин, формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь – это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и довести до настоящей чистоты и полноты бытия во всем: в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и наших законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. «Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: так было, и когда так бывало, то осуществлялось прекрасное; и так будет, и чем полнее и сильнее это будет осуществляться, тем будет лучше» [5, с. 323].

«Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что дру-

гие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» [5, с. 323].

В строении русской души И. А. Ильин выделяет силы первичные и вторичные: «первичные силы» (сердце, созерцание, свобода, совесть) «определяют и ведут», а «вторичные силы» (мысль и воля, форма и организация) «вырастают из них и приемлют от них свой закон» [5, с. 329]. На громадном историческом и художественном материале И. А. Ильин убедительно обосновывает такую структуру русской души [6]. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [5, с. 329].

Западный менталитет, оформленный иудаизмом, католицизмом и протестантизмом, имеет иное строение: в нем рационально-волевое начало доминирует над духовно-ценностным [5, с. 327]. Попытки заимствовать у католиков их волевою культуру для нас безнадежны. «Их культура выросла из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и принуждения над свободой» [5, с. 327]. У нас соотношение этих сил обратное. Ведь нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы или отказаться от их преобладания. «И для чего?» – спрашивает И. А. Ильин. «Для того, чтобы искусственно привить себе чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее – дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерной для католиков? Напротив, нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации. Нам нет спасения в западничестве. *Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя себе самим*» [5, с. 327–328].

В духовном акте русской культуры эмоционально-ценностное начало преобладает над рационально-волевым формализмом. Русское Православие не формальное, не законническое, но освобождающее человека «к живой любви и к живому совестному созерцанию». Русской душой Бог воспринимается, отмечал И. А. Ильин, не воображением, которому нужны чудеса и страхи, не властной волей, требующей повиновения (иудаизм, католицизм), не мыслью (протестантизм), но любовью. Христа русский народ принял не по расчету, а чувством, совестью, добротой. В акте веры он стремится видеть не «галлюцинации», а «подлинное совершенство». Его

вера желает не власти, а «совершенного качества». Первый русский святой Феодосий – «сущая *доброта*», первые русские князья – Владимир, Ярослав, Мономах – «герои *сердца и совести*» [5, с. 324].

В русской науке сложился метод живого *творческого созерцания предмета как целостности*. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее *живой предметностью*, не попирает факты и законы, а схватывает *целое в частях*. А кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует *фундаментальность* русской науки, которая была духовно зрячей, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы, «экономический организм» страны, «целостную жизнь» изучаемого языка, дух и судьбу народа. *Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета*. Отсюда и масштабность и панорамность русской научной мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся русская математическая школа.

Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, творческой свободы, предметной конкретности и ответственности. Творческий характер русской философии, ее гениальные прозрения, ее основательная логика в изложении ценностных основ духа, богопознания, нравственности, искусства, правосознания и государства, труда и собственности, семьи и воспитания, национального самосознания и Родины, культуры и хозяйства можно объяснить лишь тем, что творцы этой философии (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) *вобрали своим духовным актом от Православия чувство совершенства, определили им значение событий и синтезировали именно им конкретный материал жизни и духа в целостную картину богопознания и миропонимания*. Русская философия была и будет боголюбием и постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении.

Русское искусство вобрало в себя «дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности». Русское искусство призвано развивать «тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководствовалось доселе... Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке и приспособляться к их вкусам и потребностям; им не подобает “учиться” у Запада – ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества *свои заветы* и традиции, *свой национальный творческий акт*: нет русского искусства без горящего сердца, ... без сердечного созерцания, без свободного вдохновения, ... без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом» [5, с. 329].

Русская культура обретет второе дыхание, если она унаследует боголюбие, качественный дух совершенства и духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца.

Библиографический список

1. *Ильин И. А.* Путь духовного обновления. М.: АСТ, 2003.
2. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М.: Рарогъ, 1993. Т. 1.
3. *Ильин И. А.* Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 3.
4. *Ильин И. А.* Талант и творческое созерцание // Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 1996. Т. 6, кн. 2.
5. *Ильин И. А.* О русской идее // *Ильин И. А.* Наши задачи: В 2 т. М.: Рарогъ, 1992. Т. 1.
6. *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 1996. Т. 6, кн. 3.
7. *Ильин И. А.* Взгляд в даль. Книга размышлений и упований // Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 1998. Т. 8.
8. *Ильин И. А.* Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 6 т. М.: Рус. кн., 1996. Т. 6, кн. 1.
9. *Сковорода Г. С.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1993. Т.1.
10. *Юркевич П. Д.* Философские произведения. М.: Мысль, 1990.